Влад Григорьев

Белый пароход памяти

18+

Влад Григорьев

Белый пароход памяти

«Автор»
2026

Григорьев В.

Белый пароход памяти / В. Григорьев — «Автор», 2026

Это сборник рассказов, в какой то мере связанных между собой. Эту связь каждый может увидеть по своему. Эти рассказы появились после романа «Ты — это Я», что многое объясняет.

© Григорьев В., 2026
© Автор, 2026

Влад Григорьев
Белый пароход памяти

ДЕНЬ

Морковкин проснулся от странного чувства, будто в воздухе висит невысказанное обещание. Оно было острым и сладким, как запах грозы перед дождем. Последние обрывки сна упорно ускользали, оставляя лишь одно — яркий образ старого, покрытого патиной колокола, который раскачивался в беззвучном пространстве, призывая его куда-то. Сердце стучало учащенно, навязчиво: «Сегодня. Сегодня что-то должно случиться».

За завтраком он разлил чай, и коричневая лужица поползла по скатерти, но он лишь улыбнулся: а вдруг это знак? Начало цепочки событий? Выбегая из подъезда, он чуть не столкнулся с соседкой, мраморно-холодной тетей Валей, которая всегда ворчала на него за стук каблуков. Но сегодня она, спотыкаясь, выронила из рук ключи. Морковкин, ловя их на лету, галантно раскланялся: «Позвольте вам помочь, Валия Петровна!» Старуха замерла с открытым ртом, и на ее лице впервые за пять лет соседства мелькнуло не раздражение, а самое настоящее, пусть и мгновенное, удивление. «Спасибо», — проскрипела она. Он побежал дальше, чувствуя легкий укол разочарования. «Нет, — подумал он. — Это не то. Это просто случайность».

На работе его ждал сюрприз — неожиданный бонус за старый, забытый всеми проект. Коллеги хлопали по плечу, начальник жал руку. В отделе царило маленькое праздничное оживление. А Морковкин стоял с улыбкой и ловил себя на мысли: деньги — это приятно, но то обещанное утром ощущение чуда не наступало. Ожидание было ярче самой награды. «Это не то», — беззвучно прошептал он, глядя на поздравляющие лица.

Обеденный перерыв он провел в парке. И тут его чуть не сбил с ног мальчишка на велосипеде. Пацан, лет десяти, заливаясь смехом, пронесся в сантиметре от него. Морковкин уже приготовился возмутиться, как вдруг увидел, что с лавочки навстречу мальчишке поднялась молодая женщина. Она смеялась так же заразительно, подхватила его на руки, и они, обнявшись, пошли к киоску с мороженым. Эта картина — безудержная, простая радость — тронула что-то в его душе. Но опять же — это было чужое счастье. Он лишь сторонний наблюдатель. «И это не то», — констатировал он про себя, чувствуя, как предвкушение начинает оборачиваться тревогой.

Весь день он был настороже. Каждый звонок, каждый взгляд прохожего, каждая мелочь казалась ему потенциальным ключом к разгадке. Он ждал Знака. Встречи. Известия. Судьбоносного поворота. Но ничего не происходило. Вернее, происходила обычная жизнь с ее мелкими радостями и досадами, но великое событие, обещанное сном, так и не случилось.

Вечером, вернувшись домой, он стоял у окна и смотрел, как зажигаются огни в многоэтажках напротив. Разочарование накатывало тяжелой, холодной волной. Он чувствовал себя обманутым. Никакого колокола. Никакого чуда. День прошел зря.

И тут, глядя на свое отражение в темном стекле, он вдруг осознал. Осознал так ясно и четко, будто кто-то произнес это вслух. Он ждал какого-то грандиозного внешнего события,

которое изменит его жизнь, ворвется в нее с грохотом и блеском. А день прошел. Обычный, ничем не примечательный день. Но он ПРОШЕЛ.

Он прожил его. Он разлил чай и помог соседке. Он получил премию и видел счастливых людей в парке. Он дышал, чувствовал, думал. И этот день больше никогда не повторится. Он канул в прошлое, унес с собой утреннее ощущение тайны, запах разлитого чая, улыбку тети Вали, смех мальчишки, вкус беспокойства и радости.

Морковкин медленно повернулся от окна и подошел к календарю. Он не стал отрывать листок с прошедшим числом. Он просто провёл ладонью по шершавой бумаге. Ощущение грандиозности события, которое он ждал весь день, наконец нахлынуло на него. Оно было тихим и бездонным. Не колокол, а последний, затухающий звук.

Самое важное уже случилось. Он прошел. И ему осталось жить на этом свете на один день меньше. Эта простая, жуткая и одновременно умиротворяющая истина наполнила комнату безмолвным звоном. Звоном уходящего времени.

БЕЛЫЙ ПАРОХОД ПАМЯТИ

Григорий Гаврилович, отец Влада даже, при легком волнении слегка заикался.

«Это из детства» — говорил он Владу и Саше, когда те стали замечать этот небольшой, даже в какой то степени приятный на слух недостаток отца. Старший брат, подражая отцу, даже как то тоже начал заикаться, но со временем « излечился», легко и быстро. Как заразился, так и излечился. Заикание же отца сидело в нем крепко и, наверное, навечно.

— А как это произошло? — приставали братья к отцу не один раз, и однажды тот не выдержал и рассказал как все случилось.

Попробуем пересказать эту историю в виде небольшого рассказа.

Деревня Моховая где родился и вырос Гриша Григорьев растянулась по правому крутому берегу реки Селены на полтора километра. Сразу за деревней начинался густой смешанный лес преимущественно сосновый, который полого поднимался в гору заполняя собой небольшие овраги, впадины и новые подъемы. По сути, это уже была огромная сибирская тайга уходящая на север. Все деревеньки, поселки и небольшие городки располагались в основном по реке, которая являлась единственной дорогой соединяющая эти населенные пункты между собой. Напротив Моховой, через реку на более пологом берегу, также растянуто, примостилось маленькое село Холое, где в основном жили местные народности вперемежку с русскими казаками. Зимой, когда воды Селены сковывал льдом крепкий сибирский мороз, Моховая и Холое объединялись в одну большую деревню и все праздники, свадьбы и похороны отмечали вместе, дружно и по семейному. Именно тогда молодой, симпатичный юноша повстречал красивую девочку Галю, дочь местного казака Шишмарева Александра. Правда, к тому времени Александр Анисимович уже ушел вслед за своей женой, Галиной мамой в царство снов и теней и девочка росла сиротой у старшего брата. Потом пути Гриши и Гали надолго разошлись и встретились они только в 1944 году. Через некоторое время Григорий Гаврилович предложил Галине Александровне стать его женой и она согласилась. Так они стали родителями Саши, Влада и Татьяны. Но это было после, а сейчас вернемся в 1930 год в деревню Моховая.

В 1929 году Моховую и Холое объединили в один колхоз под названием «Красный рассвет». Гришиного отца Григорьева Гавриила Мефодьевича избрали председателем этого колхоза, а сам десятилетний Гриша стал неофициальным вожаком всей деревенской детворы. Его сосед и одновременно закадычный дружок Ванька Мангиров также неофициально был назначен заместителем Грихи (У Гриши с самых первых дней жизни было второе имя — Гриха). Как

сын председателя колхоза Гриша знал все новости деревни не только на уровне сомнительных слухов, но и вполне официальных, достоверных.

— Вчера в Холое приехал уполномоченный из Гусинки и сообщил, что в этом году у нас начнут строить пристуню. — Гришка важно осмотрел собравшуюся ребятню и не спеша начал сворачивать самокрутку, туго набитую махоркой. Вся банда, состоящая из семи вихрастых пацанов примерно одного возраста и четырех худых девчонок от 8 до 11 лет сидела сейчас в заброшенном ветхом сарае на берегу Селены. Сарай был наполовину без крыши, со всех сторон заросшей высокой травой. Но вид на реку и село Холое на противоположном берегу открывался замечательный.

— А что это такое — пристуня? — заинтересовались почти все, кроме Ваньки Мангирова. Тот был уже в курсе от Грихи, что это такое, но сейчас молчал не решаясь опережать в этом деле своего друга и кумира. Гришка молчал пока не закончил с самокруткой. И только тогда, когда его самодельная сигара разгорелась и задымила он, переводя взгляд с одного на другого, пояснил:

— Это такие большие деревянные мостки на реке, чтобы к ним могла пристать большая лодка. Там должно быть глубоко, а то лодка застрянет и не подойдёт близко к берегу.

— У Кольки Кривого самая большая лодка и он без пристуни обходится, — встряла самая высокая из девочек, рыжая Катька.

— Ты ещё самых больших лодок не видела, — вмешался Ванька Мангиров, — вон у Доржи Бадмаева из Холои лодка так лодка, не то что у Кольки Кривого.

— Это даже не лодка будет, а, как это называется…., — Гришка сплюнул слюной, наполовину перемешанной с махоркой и важно закончил, — ПАРАХОДЬ.

Гриша оказался прав, примерно через месяц, на изгибе реки, где ее глубина начиналась сразу же у берега, и где никто никогда не купался, потому что про эту яму ходили нехорошие слухи, собрались с десяток деревенских мужиков с топорами и началось строительство той самой «пристуни». Гришка с Ванькой каждый день приходили на «объект» и часами наблюдали за работой. Руководил стройкой незнакомый русоволосый парень, который поселился у бабки Лукерьи, дом которой стоял почти у самой реки. Молодые деревенские девушки по вечерам стали прогуливаться у бабкиного дома, распевая веселые частушки и грустные старинные песни про несчастную любовь. Гришку и Ваньку в основном интересовали ни девки со своими песнями и частушками и, даже, не русоволосый молодой человек, а сама стройка, постепенно приобретающая контуры деревянной широкой пристани. Зимой строительные работы немного притихли, но по весне 1930 года возобновились с удвоенной силой. К этому времени многие ребята, и в первую очередь Гришка и Ванька уже примерно представляли себе, что такое « параходь», т.е. пароход.

Когда пристань была готова на торжественное открытие собралось почти все население двух соседних деревень. Были изготовлены и расписаны красные транспаранты на длинных обструганных палках, красные флаги. Жители оделись, как на свадьбу в яркие праздничные одежды, женщины навесили́ на себя цветные бусы, а мужчины белые рубашки и черные кепки. Гриша был одет в новую светлую толстовку, на голове красовалась цветная тюбетейка. На широкой деревянной пристани установили большой деревянный стол, поставили на него графин с водой, принесли из конторы три стула, на которых молча сидели Тимофей Иванович Малыгин — секретарь районного комитета партии, Григорьев Гавриил Мефодьевич — председатель колхоза «Красный рассвет» и тот самый русоволосый парень, руководитель стройки — Протопопов Сергей Харитонович. Участники митинга, т.е. жители двух деревень заполнили всю пристань, те кто не вошёл заполнили почти весь берег вокруг. Никто не знал, что начальство приготовило для населения сюрприз. В самый разгар митинга, когда секретарь райкома уже почти заканчивал свою пламенную речь о прогрессе промышленности в СССР и смычке города с деревней, послышался странный звук на реке и из за поворота показалось, на первый

взгляд чудище, которого никто в селе никогда до этого не видел. Из за поворота реки медленно выплывал белый пароход с огромными колесами-лопастями по бокам. Все как один повернули головы в сторону парохода и никто уже не слушал о чем говорил секретарь. Тот быстро закончил свою речь и вместе со всеми стал наблюдать, как пароход шлепая лопастями медленно приближался к пристани. Все двести с лишним человек молча с ужасом смотрели на это чудо широко распахнутыми глазами. Влад, сняв тюбетейку сжал ее в кулаке так сильно, что пальцы онемели и побелели. Но он этого не замечал и не чувствовал. Дыхание его приостановилось, а через минуту прорвалось шумно и прерывисто. Рядом и вокруг все остальные его односельчане чувствовали себя не лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.